

Марина Бородинская
ОДА БЛИЗОРУКОСТИ
Стихи

Серия «Поэтическая библиотека»

В новый сборник известного поэта Марины Бородинской вошли в основном стихи, написанные после 2005 года. Из рецензии: «Это стихи... которым верим, потому что узнаём в них себя. Они так созвучны нашим мыслям, что даже странно: почему эти простые до очевидности слова сказаны не нами?» Что же за очевидности стоят за словами поэта? — спросит читатель у критика. «Это здравомыслие без сухости и чёрствости, остроумие без вульгарных образцов сатиры и юмора, глубина чувств без пошлой сентиментальности... разнообразие ритмов и интонаций без потери собственного голоса. И ещё неоспоримая честность поэтического слова, призывающего нас почувствовать “наше случайное братство”».

марина бородицкая

ода близорукости

стихи

Что касается бытия

Что меня завораживает в стихах Марины Бородицкой — меня, человека в поэзии стороннего, прохожего, то есть законченного прозаика с головы до пят, — это удивительное сочетание мужества, нежности и абсолютной, звонкой ясности смысла. Мне всегда казалось, что именно эта смесь необходима для прозы. Поэтому я откровенно завидую стихам Марины Бородицкой. Она умеет в несколько строф, даже в несколько строк... даже в четыре строки вложить то, ради чего я корячусь за письменным столом месяцами и даже годами.

Она умеет взглянуть окрест взглядом начисто лишённым поэтического дурмана, той бормочущей кисеи, в которую обычно запелёнуто сознание робких поэтов. Она как бы не зависит от поэтических средств, хотя владеет этими средствами весьма умело.

Что касается бытия (это неплохо звучит: «что касается бытия») и всего, что к нему прилагается (перечислять не стану, это значило бы цитировать книгу от первой до последней строки), то я б в этом мире — мире Марины Бородицкой — хотела бы обитать. Может быть, потому, что наряду с высокой трагедией осознания конечности человеческого пути, в этом её мире существует и радость, и горькое счастье, и тёплый юмор, и стремление к выси, и сострадание — всё то, что вообще составляет смысл жизни. И смысл поэзии.

Дина Рубина

ОДА БЛИЗОРУКОСТИ

Слава тебе, о бесшабашный хрусталик,
и тебе, подруга его, строптивая роговица!
Вы своей преломляющей силы не рассчитали,
на далёкую перспективу не дали мне подивиться.

Никогда мне орлиным взором не охватить перспективы,
а сидеть мне, уткнувшись носом в парчовую ряску,
в плиссировку раковины, в поволоку сливы,
придорожного лопуха кольчужную вязку.

Я снимаю очки и вижу цветные пятна
и вокруг фонарей лохматые ореолы.
Круговая порука близости. Нам понятно,
что художник имел в виду, мы ведь той же школы.

Я снимаю очки — как будто бы остаюсь без кожи,
а это я надеваю защиту от вашей вселенной:
в трёх шагах от меня вы можете корчить рожи,
а я буду вам улыбаться улыбкой блаженной.

Слава тебе, миопия! слава неправильной форме
глазного яблока, удлинённого вроде грушовки,
мелочам и подробностям, бусинам в птичьем корме,
обнажённой лампочке в радужной растушёвке!

* * *

Ощущение сгущающейся тьмы.
Ощущение сгущающейся тьмы.
Можно, в сущности, на этом оборвать,
Но зачем тогда на свете были мы?

Можно, в сущности, оставить две строки,
Нить из брюха не тянуть, как паучки,
Свет рассеянный в себя не собирать
И лучи не концентрировать в пучки.

«Выжигание глаголом», экий вздор,
Кем-то в детстве передаренный набор...
Ощущение сгущающейся тьмы.
Луч направленный. Дымящийся узор.

* * *

Ласковая ты бабушка,
история Древнего мира:
всё картинками баловала,
сладостями кормила.
Был на диване триклиний,
триумвират на кресле,
триста спартанцев за шкафом
враз выдыхали: «Йесли!»

Строгая ты учительница,
история Средневековья:
всё рисовала виселицу,
всё рифмовала с кровью.
Всё же твои ужастики
наши питали грёзы:
Йорки шли на Ланкастеров,
алые тлели розы...

Злая ты, злая мачеха,
нынешняя история,
алчности математика,
ненависти фактория.
Ядерные пастилки,
лагерное барокко, —
и ни единой картинки,
ни одного урока.

* * *

Ещё последняя нам сласть
дана в наследство:
сначала в отрочество впасть,
не сразу в детство.

О, там обиды велики,
победы хрупки,
но утешают пустяки:
косынки, юбки.

Там каждый взгляд, что бросил *он*
и вздох невнятный
с подругами обговорён
тысячекратно.

Там можно сделать встречный шаг
как одолжение
и целоваться просто так,
без продолженья.

* * *

В этот час, когда окна уже горят
из ноябрьской тьмы по краям фасада
и последние несколько дошколят
молчаливо ждут у крыльца детсада, —

в этот час капризничает душа:
ни гулять не хочет, ни даже в гости,
у окна стоит, на стекло дыша,
и ладони трёт в диатезной коросте.

То ли скушно ей, то ли тошно ей,
только знай сопит, только тянет шею:
не видать ли там дорогих теней?
Ведь придёт же кто-нибудь и за нею.

* * *

«Бог — это совесть», — сказала бабушка Вера.
Под уютном орошённая блузка дымилась.
Бог в этот миг, обнаружив меня у торшера,
щёлкнул разок по затылку, и вот — не забылось.

Бабушка так говорила о глаженной блузке:
«Вещь — совершенно другая! ведь правда? ты видишь?»
С дедом они перекрикивались по-французски,
только потом я узнала, что это идиш.

Дед же Наум учил меня бегать и драться
и по-латыни ворчал, что *хомини хомо* —
волк. Я не верила деду, я верила в братство,
в дружество, равенство, счастье и бегство из дома.

А ещё так смешно говорила бабушка Вера:
«Честью клянусь», не просто «честное слово».
«Бога гневишь, — вздыхала, — ну что за манера!
Ты вот поставь-ка себя на место другого».

ТАЙМ-АУТ

Щепка лезет на щепку,
точка на запятую,
скрепка кусает скрепку
в скобочку завитую.

Книжка с другою книжкой
схлопнулись второпях:
дрождью дрожит чуть слышной
том о двух корешках.

Кошки поют на крышах
славу бескровным войнам,
ангел с трубою, слышишь,
время играть отбой нам

и разливать по фляжкам
то, что даётся даром
кошкам и деревяшкам,
книгам и канцтоварам.

* * *

*...Царь, царевич,
король, королевич,
сапожник, портной, —
говори поскорей,
кто ты будешь такой!*

Мой детский выбор был — сапожник,
Ну в крайнем случае, портной,
Но уж не царь, не королевич —
Бездельник толстый и смешной.

Штаны просиживать на троне —
Занятие для дураков,
А ты попробуй, шут в короне,
Стачай хоть пару башмаков!

Поёт сапожник за работой,
Постукивает молотком,
Вокруг детишки-обормоты
Приплясывают босиком...

И всё сбылось: труды и пляски,
И ремесло, и прочный кров,
И было весело, как в сказке,
Как в пьесе «Город мастеров».

Лишь как-то раз на дальнем берегу,
На том крыльце, на склоне дня
Соблазны королевской неги
На миг забрезжили, дразня.

...И деревянные колодки
Крошатся, как негодный мел,
И опостытели подмётки,
И молоток осточертел.

Но в доме подрастают дети,
И день отлажен и толков, —
И есть ли что-нибудь на свете
Важней удобных башмаков?

* * *

Господи, я не владею умами,
я и собой-то владею с трудом,
только дверями, дворами, домами,
светом слабеющим, снегом и льдом.

Господи, душами я не владею,
вот ведь и эту придётся вернуть, —
только сугробами в сетке ветвей и
светом, ещё голубеющим чуть.

Господи, я не владею сердцами,
я и своё-то теряла сто раз,
только хрущёвок глухими торцами,
светом из окон, слезами из глаз.

* * *

А пока небесные глаголы
Слуха не коснутся наконец,
Ты сидишь в витрине полуголый —
В точности египетский писец.

В гулком Лувре эхо полнит своды,
И привычно взяв тебя в кольцо,
Тычут пальцами экскурсоводы
И зевают школьники в лицо.

Ты, конечно, тоже чудо света,
Но туристу будоражит кровь
Больше безголовая Победа,
Да ещё безрукая Любовь.

А тебе, как псу, велели: жди, мол!
Сорок пять веков не отмирай!
...И уставлен взгляд поверх и мимо,
И папируса откатан край.

КАРТИНКИ С КЛАДБИЩА

*

В могилу опустили,
как будто отпустили,
в могилу опустили,
как на воду спустили,
ковчег заколотили:
пльиви по земляным волнам
в края, неведомые нам.

*

А у могильщика звонит мобильник.
А что такого-то — звонит мобильник.
Достаёт свою могильщик мобилку,
что играет «Как на ту д-на могилку...»,
достаёт и на звонок отвечает:
— Занят я! — и телефон отключает.

* * *

Как же внятны твои письменна,
Как просты пиктограммы:
Вон стоит иероглиф «луна»
В верхней четверти рамы.

Вдоль ограды густого литья,
Проступая из мрака,
Вон бегут иероглиф «дитя»,
Иероглиф «собака».

Вот сидит иероглиф «она»,
«Он» садится напротив.
За окном иероглиф «луна»
Меркнет, тучку набросив.

И чернеют сухие глаза
Над губами сухими,
И горит иероглиф «нельзя»
На столе между ними.

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕДУШКА ЭЗОП

* * *

Здравствуй, дедушка Эзоп!
Думаешь, забыли?
Кол осиновый в твой гроб,
Думаешь, забили?

С возвращением, старик,
Твой топчан свободен.
Ну-ка, высуну язык!
Одевайся. Годен.

Здравствуй, дедушка Эзоп,
Здравствуй, раб лукавый!
Вновь растёт твой хитрый стёб
На дрожжах державы.

Зряшный шум прошёл в лесу,
Будто ты не нужен.
Доскажи нам про лису.
Задержись на ужин.

* * *

Между прочим, Эзопа сгубили попы.
Ну, жрецы. Из-за денег, понятно.
В этих Дельфах жирели они, как тельцы,
И жилось им легко и приятно.

Приходила сивилла, садилась на стул:
На трёхногий, над трещиной в скалах,
И нанюхавшись газа, как сбрендивший мул,
Издавала подолгу мычанье и гул, —
Жрец дежурный купцам толковал их.

И конечно, Эзоп наострил язычок,
Только тут разыгралась драма:
Развязали тихонько его рюкзачок
И подсунули чашу из храма.

Обвинили в покраже, на казнь повели —
Для народного, стало быть, блага,
И насмешницы музыки его не спасли,
Хоть в алтарь их вцепился бедняга.

Он ещё говорил, задыхаясь слегка,
На вершине скалы, у обрыва,
Про убитого зайца, орла и жука,
Потому что ведь несправедливо...

И смахнувши слезинку, вздохнул Аполлон:
— Разве жребий его не прекрасен?
Был бы этот урод в честной Спарте рождён —
Так и жили б вы нынче без басен.

* * *

Хорошо, когда выходишь из метро,
а троллейбус прямо раз — и подкатил,
и гремит он, как порожнее ведро,
и народ в себя, как рыбу, запустил.

Хрошо, когда кемаришь у окна,
а сама идёшь в Афинах на базар
со служанками, а может, и одна —
за трагедию потратить гонорар.

Можно долго ожерелье примерять
или венчик позолоченный для лба,
можно рыбы свежепойманной набрать,
можно даже прикупить себе раба.

Вон стоят они в невольничьем ряду:
два красавца мускулистых — и Эзоп...
Я напротив супермаркета сойду,
перелезу через тающий сугроб.

Прикоснусь к его дерюжному плащу,
отсчитаю сколько велено банкнот —
и на волю никогда не отпущу,
потому что он на воле пропадёт.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru